

КАК УЛОВИТЬ РАЗНИЦУ МЕЖДУ ЗАКОНОМ И БЛАГОДАТЬЮ?

На вопросы Открытых встреч отвечает катехизатор Свято-Андреевского малого православного братства Дмитрий Гасак

— Кто посылает испытания человеку? Разве Бог? Пост — это испытание?

Дмитрий Гасак: Конечно, Бог, как сказано в Священном Писании, не искушает никого, «но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак 1:13-14). С другой стороны, очень часто в истории бывало так, что люди, попадая в тяжёлые жизненные обстоятельства, задумывались о том, почему они в эти обстоятельства попали, и у них возникала благая и спасительная мысль, что Господь человека наказывает или испытывает, так или иначе указывая ему, что путь его жизни недостойный, время жизни он проводит впустую, идёт не туда, или возможности, которые ему даются, использует не должным образом. Поэтому люди и говорят (к сожалению, чаще другим, чем себе): «Если ты попал в трудные обстоятельства, то это Бог тебя наказывает», или «Бог тебя испытывает», или «Бог тебя посетил». И это связано с реальным духовным опытом. Другое дело, что никогда, ни при каких обстоятельствах здесь нельзя морализаторствовать и человеку, попавшему в какие-то сложные обстоятельства, говорить: «Вот, Бог тебя наказал!» — как бы приводя это в качестве доказательства существования Бога, Его воли. Одно дело, когда человек сам о себе так думает и говорит, другое дело, когда это касается другого человека.

Этот мир, «мир сей», лежит во зле. И поэтому не бывает так, чтобы человек, находящийся в этом мире, прожил свою жизнь, не будучи испытанным или искушенным. Вопрос всегда в том, как человек эти испытания проходит, как он их преодолевает. С самых древних времен люди понимали, что к испытаниям в жизни надо готовиться, что самые трудные задачи человеку задаёт жизнь. И в этом смысле пост — это, конечно, испытание, но испытание добровольное, когда человек испытывает свою волю, свою внутреннюю силу, свою веру, свою верность Господу Богу и, наконец, свою свободу. Поэтому пост и является таким традиционным и важным, любимым, дорогим опытом для каждого христианина.

— Апостол Павел говорит, что мы не под законом, а под благодатью. Как уловить эту разницу?

Дмитрий Гасак: Это очень сложный вопрос. Уловить эту разницу нелегко, для этого необходимо в каком-то смысле откровение, как это было у апостола Павла, который был верным приверженцем и последователем Ветхого закона. В этом законе он полагал свою веру и свою совесть. Он действовал согласно букве этого закона до того времени, пока не узнал Христа, Который не нарушил закон, но исполнил, т.е. довёл до полноты и открыл апостолу Павлу, с одной стороны, ограниченность закона, с другой стороны — полноту новозаветного откровения.

Закон — это всегда граница, это всегда рамки, и человек, следующий закону, всегда в каком-то смысле несво-

Иов и его друзья. Гравюра Гюстава Доре

боден. Но, живя в этом мире, мы не можем жить без закона, нет в этом воли Божьей. С другой стороны, важно, чтобы наш закон, наши правила были согласованы с Божьим законом, а не с законничеством, которое Господь осуждал. Поэтому, не познав закона, невозможно познать благодать или, иными словами, свободу. Когда люди попадают в беззаконие, т.е. такое состояние, когда всё позволено, когда нет абсолютно никаких пределов, рамок, границ, ни чести, ни совести — это есть падшая свобода: грешная, мрачная, дьявольская. Но Божественная свобода — это движение не по горизонтали, с которым можно сравнить закон, а по вертикали. Из закона можно вырасти, его можно, даже необходимо исполнить, но исполнить не разрушив, а так, как исполнил его Господь наш Иисус Христос.

— Если человек, будучи христианином, из патристических чувств становится военным — это достойный поступок или компромисс? Ведь ему, возможно, придётся убивать врагов. С другой стороны, что же, не защищать Родину? Кстати, Иоанн Воин канонизирован за военные подвиги.

Дмитрий Гасак: В своё время от о. Георгия я услышал слова, которые он в свою очередь слышал от прот. Всеволода Шпиллера: «Война — зло, война — грех. Но вот, надо воевать». И, действительно, в этом мире часто приходится воевать и защищать правду, справедливость, любовь, свободу, которые всегда в этом мире находятся под агрессией зла. Мы живём в агрессивной среде, это всегда важно помнить. Но важно помнить также, о чем просил

Христос Отца: не взять учеников из мира, но сохранить их от зла. И вот это настоящая, подлинная задача всякого христианина, будь он военным или гражданским человеком, потому что зло проявляет себя не только на войне.

Другой момент. Мы не имеем права быть агрессивными, алчными и недоброжелательными, желать быть захватчиками. Поэтому раньше в России, например, в кадетских корпусах, будущих офицеров учили не убивать врагов, а полагать душу свою за друзей своих. Только важно очень хорошо понимать, что это означает. В конце концов, важно помнить и слова Христа о любви к врагам. Это тоже тайна. Что означает любовь к врагам? Это не значит, что всех врагов надо воспринимать как друзей и близких. Враг есть враг. Но при этом Христос говорил о любви к врагам: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф 5:44).

Что же касается Иоанна Воина, то, насколько я помню, он был канонизирован не за военные подвиги, а как раз наоборот. Он был благородный воин и претерпел мучения за то что, будучи воином, он к врагам своим относился с любовью и старался не причинять зла тем, против кого он воевал. Он попал в заключение во времена Юлиана Отступника и, собственно говоря, пострадал за то, что оказывал милость представителям противной стороны. Многие святые, бывшие при жизни воинами, прославлены не за военные подвиги, а за свидетельство о Христе.

Всякая идеология здесь вредна. Важно иметь трезвенное отношение к своей стране, к своему народу, к обществу и к тем, кто нас окружает. Но также важно быть во всей нашей жизни, во всех её сторонах по-настоящему христианином, а значит — не только читать, но исполнять то, что Христос говорит в Евангелии.

— «Смертью смерть поправ». Т.е. человек может воскреснуть только после того, как умрёт?

Дмитрий Гасак: В этом вопросе содержится серьёзная мысль. И серьёзный выбор стоит перед всяким человеком. Выбор, который ничем и никем не проверяется и ничем не гарантируется, который обретается только нашей верой, как это и сказано в Евангелии: «По вере вашей да будет вам» (Мф 9:29). Конечно, воскресение связано со смертью. Более того, этот путь победы над смертью пророчески предвидит и знает и Ветхий Завет. В Песни Песней есть такие слова: «Сильна, как смерть, любовь» (Песн 8:6). Здесь подчёркивается как бы равноправие, равносильность любви и смерти. Христос же, явившись, исполнил это и явил такую любовь, которая смогла победить смерть, стать выше смертного страха, выше смертных уз. Смерть Христа не остановила — и это чрезвычайно важно для всякого человека. И именно здесь, в этой точке, сходится весь драматизм и трагичность жизни человека, которая разрешается только верой в Бога во Христе и Святом Духе.

Я считаю себя солдатом армии, которая делает все для того, чтобы человек остался человеком

Из беседы Елены Камбуровой с членами малых православных братств г. Архангельска

Елена Камбурова: У меня такой образ сегодняшней России (извините за мрачное ощущение, но я говорю то, что я вижу): она во многом завоевана. Территория культуры завоевана теми, кто разрушает русское слово, русскую речь, культуру как таковую, уж я не говорю про поэзию. Но на этом большом темном фоне есть очаги сопротивления, и довольно мощные. Можно зарыть источник, но он все равно остается. Приходит час, и открывают его, и он начинает бить. И вы — тот зримый источник, который бьет, является мощным сопротивлением и светом... Если бы все были такие, как вы — такие же лица, такие же улыбки, такая же доброжелательность, такая же интонация разговора друг с другом! Можно сказать, что это тихая, на первый взгляд незримая Россия. Но она очень зримая, очень мощная, она в молитве за нее каждого человека.

Россия для меня — огромное живое существо, из века в век с ней все время происходит невероятное. История России — история войн, насилия, крови, политики, завоевания, коррупции. И параллельно идет духовная история, история культуры. И история того, что прощено человеческой душе. Всегда надо помнить пример самых экстремальных ситуаций, в которые попадали истинно духовные люди — я говорю о ГУЛАГе, о Соловках. Они не

могли подчиниться этой власти. Лучше смерть, чем пасть на колени...

По-моему, природа — это самый великий пример того, о чем мы говорим: и стоицизма, и преданности, и традиции. Как ведет себя лес? Сосенки маленькие начинают самосевом выходить вперед, и лес начинает двигаться. Никто его не сеет. Был еще вчерта лес со мхами, с красной неземной совершенно, фантастической, а рядом — репейники, чертополох. Но как только эти сосенки стали подрастать, их влияние на землю стало увеличиваться, и около них уже совершенно другая земля. Один человек, или два, или сто, если они спасаются сами, то спасают других. Даже климат вокруг меняется.

— Как найти свое призвание, служение, когда большая часть жизни уже прожита?

Елена Камбурова: Слово «смирение» — очень для меня важное. Наверное, на всё воля Божья, очевидно, то, что произошло, должно было произойти, а если этого не произошло, значит, терзания по этому поводу непродуктивны. Я по себе знаю, как хочется сказать: «Боже мой, я ничего не сделала, я столько могла бы сделать», я себя ругаю за это... Тем не менее жизнь продолжается, не последнюю секунду живем на этой земле. Сколько отмерено еще, никто не знает, поэтому вот в этот оставшийся отрезок времени, я думаю, нужно заменить терзания на какую-то творческую деятельность, только её обязательно нужно найти. И эти часы потратить на то, чтобы, например, познакомиться с тем, что писали гениальные

люди, мыслители прошлых веков, сегодняшнего времени. Это уже великое дело. В этом — смирение. Оно на первый взгляд кажется бездейственным, а на самом деле оно очень созидательное. Потому что смиряешься с тем, что того, того, того не произошло, и вот с этого момента ты можешь открыть для себя очень многое. Иной раз по большому счету тот, кто написал что-то, и тот, кто читает, в этот момент — на равных. Если человек талантлив как читатель, то у него могут рождаться такие образы, о которых даже не думал поэт, или прозаик, или художник. Я уж не говорю о музыке. Она самая в этом смысле «фантазийная». Потому что можно куда угодно полететь в своих представлениях.

Вы знаете, как много случаев, когда у женщины была семья, много детей, работа. И вот наконец дети выросли, она уже не работает — и вдруг начинает рисовать. И это потрясающе! В ней всё это жило, но было немножко закрыто асфальтом дел. А тут появилась эта свобода, и что-то произошло. Если сам не рисуешь — ходи, смотри, что было до тебя.

Я считаю себя солдатом армии, история которой идет параллельно военной истории — той армии, которая делает всё для того, чтобы человек остался человеком. Я говорю о творчестве. Такого и в литературе, и в живописи очень много. И каждый из нас может стать в свою меру этому причастным.

Встреча состоялась 26 апреля 2009 г.
Материал подготовила Наталия Крекул

«В ПРЕДЪЯВЛЕННОМ МНЕ ОБВИНЕНИИ ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЮ»

Историю своей семьи я узнаю постепенно. Например, до 1988 года я не знала о том, что мой прадед Николай Петрович Борисевич был священником, сидел, и его судьба после лагеря нам неизвестна. А до мая этого года я не знала точного местонахождения могилы деда — Якова Михайловича Наконечного, погибшего в Белоруссии в 1944-м.

О прадеде рассказал отец. Он-то знал об этом с детства, но по известным причинам нам не говорил. Бабушка тоже молчала. Её, дочь репрессированного священника, в 9-летнем возрасте оказавшуюся на улице и чудом пережившую голод 1930—31 гг., не потерявшую тягу к образованию и с 9 лет начавшую работать «в людях», с 16 лет каждый год вызывали соответствующие органы, требовали заполнить анкету, подтвердить лояльность государству и т.д. Эти вызовы не просто нервировали: каждый раз было неизвестно — вернется ли она домой или пойдет по этапу. И однажды она не выдержала. Очередному сотруднику НКВД на просьбу заполнить анкету она сказала: «Я заполняю эти анкеты каждый год, вы прекрасно знаете, кто мои родители и какого я происхождения. Хотите арестовать — арестовывайте, но сколько можно меня вызывать сюда неизвестно для чего!» В скольких случаях после таких слов людей действительно арестовывали, иногда расстреливали, но бабушке повезло. Следователь сказал: «Иди, больше тебя никто вызывать не будет». Ее действительно больше не вызывали. Лет через двадцать, уже при Хрущёве, в другом городе бабушка увидела своего спасителя, они кивнули друг другу и разошлись.

Конечно, после таких историй, а она была не одна (например, моего деда, мужа бабушки, однажды вызвали «куда следует» и сказали: «Ты молодой, перспективный сотрудник нашей газеты, пора в партию, вот только с женой проблемы — ЧСВН, член семьи врага народа. Давай, разберись с этим — и в партию!» Дед был спокойным, немногословным, но тут ответил. Больше таких предложений ему не поступало, внукам бабушка ничего не рассказывала, да и детям тоже. Папа узнал о своем деде от его родного брата, вернувшегося с Колымы в 1949-м. Рассказ был подробный, что называется, без купюр, насколько это можно было говорить школьнику. Удивительно, но и после этого у моего отца-октябрёнка оставались висеть фотографии Сталина в красном углу комнаты.

О прадеде мы долго ничего не узнавали — годами, даже десятилетиями. Я не знаю, как это объяснить. Страшно в это входить, переживать внутри себя убийственную бессмыслицу, сделавшую несчастными такое количество людей — убитых и их убийц, сломленных и ломавших, предававших и требовавших предательства... Однажды наше братство собралось в паломничество на Соловки, где и сидел прадед, и я поняла, что упускать такой шанс нельзя. Ведь именно в семье я впервые услышала слово «Секирка», узнала о пытке «на жердочках» — в 1988-м об этом еще не писали¹. Дело в том, что после Соловков прадед добрался до Белой Церкви, что в 150 км от его села, дальше не пошел — видимо, на то были причины. Прабабушка с детьми пешком дошли до Белой Церкви, где они встретились совсем ненадолго. По словам бабушки, прадед был сильно болен: он очень им обрадовался, обещал угостить и отвести в «хорошее место». «Хорошим местом» оказалась местная столовая, в которой он стал подбирать объедки и пытался угостить ими родных. Тогда-то он и рассказал шепотом о Соловках, о «жердочках». Но всё это казалось таким безумством, что, кажется, они ему не поверили. Бабушке и через 60 лет было больно об этом говорить. Это была их единственная встреча, больше прадеда никто из родных не видел. Нужно сказать, что все они к тому времени скитались, не имели постоянного жилья — дом, в котором они жили до ареста, был конфискован. Родственники не давали малолетней бабушке даже поесть, когда она просила. Так что забирать прадеда физически было некуда.

Все три дня, которые мы были на Соловках, каждого экскурсовода, сотрудника музея, служителя храма я спрашивала, где можно найти хоть какую-то информацию о прадеде. И в день отъезда, вечером, перед самым парходом мне удалось встретиться с удивительной подвижницей, собирающей любую информацию о репрессированных на Соловках священнослужителях... Она в это время болела, никого не принимала, я пришла к ней наудачу, даже без звонка, т.к. не было возможности позвонить, но приняла она меня очень радушно, и не с первого раза, но нашла упоминание о прадеде!

Он упоминается в уголовном деле еп. Максима (Жиженко), первого епископа, рукоположенного в иосифлянской церкви, врача по образованию, который возглавлял в лагере лазарет и собирал в нем в качестве медперсонала священнослужителей. Они не только работали там санитарями, медбратьями, а не-

Прадед Николай
Петрович Борисевич

которые — и врачами, но и помогали людям словом, беседой, служили в лесу литургию и некоторых больных по их желанию исповедовали и причащали. В декабре 1930 г. еп. Максим был арестован в лагере и отправлен в Бутырскую тюрьму, где ему было предъявлено обвинение в рамках дела «нелегальной черносотенно-клерикальной и церковно-монархической организации „Истинное Православие“». 18 февраля 1931 г. еп. Максим (Жиженко) был приговорён к высшей мере наказания, расстрелян 4 июня 1931 г. Мой прадед был одним из священников, работавших в лазарете вместе с владыкой². Больше я в тот раз ничего не смогла узнать.

Летом прошлого года мы поехали в Винницкий архив, в котором сохранилось первичное уголовное дело на прадеда, по которому его и посадили. В состав семейной «экспедиции» вошло целых три поколения: отец, я и моя племянница. Получили копии документов. 40 листов... Анкета — перечисление родственников, живших в одном доме. Жена, сестра, двое детей... Биография — простой путь наследственного священника³. При аресте в 1929-м ему было 49. Год, кстати, известный: в 1929-м посадили будущего о. Сергия (Савельева), о. Сергия Мечева, многих еще. Обычное уголовное обвинение, никак не связанное с принадлежностью к церкви, — в связях с петлюровцами в начале 1920-х. Прадед все отрицал. По его словам, петлюровцы хотели казнить какое-то число крестьян, но он поехал и договорился с ними, что крестьяне просто сдадут оружие. Так и случилось, все остались живы. Через несколько лет его за это посадили...

Получив копии «дела», мы поехали на свою историческую родину — два села, стоящих настолько рядом, как будто это одно селение — Воеводчинцы и Карповка, для всех нас это было первое посещение. Служит там молодой образованный священник о. Сергей. Он с радостью показал нам храм Дмитрия Солунского, в котором служил прадед. Храм древний, деревянный, построен без единого гвоздя. Его сплавляли казаки по реке, переходя с места на место, а тут поставили — и потом уже никаку не перевезли. Так он и стоит с XVI века. Об этом храме и косвенно о моем прадеде есть упоминание у М.В. Шкаровского⁴: «когда настоятель истинно-православного храма в с. Петровском о. Иоанн Лисицкий приехал на праздник в с. Карповку, ему не позволили служить в местной „бугевской“ церкви». Не пустить мог как раз мой прадед, судя по всему, бывший иосифлянином. В то время между двумя иосифлянскими епископами Алексием (Буюм) и Павлом (Кратировым) были напряженно-напряжённые отношения, что и проявилось в этой ситуации.

Отец Сергей стал знакомить нас с пожилыми жителями села. Времени оставалось немного — темнело, люди уже готовились ко сну. Последней стала встреча со «святой Анной», как ее все называют. Ей за 80. И она, единственная из всех жителей, вспомнила и прадеда, и бабушку! «Да, помню Диночку очень хорошо. Она была старше меня, мне было 5, а ей — 8 или 9 лет, но я всегда ходила к ним во двор играть. И отец у нее был очень добрый! Увидит меня — даст конфет обязательно. И Дина, хоть и старше была, не обижала меня и тоже конфет давала». Детские, конечно, воспоминания, но как они дороги для нас! «Святая Анна» рассказала, что уже после ареста о. Николая отец ей рассказывал, что он говорил о работе в пасхальные дни: «Пасха великий праздник, какая уж тут работа? Ты встань утром, походи в храм, помолись, причастись, дома тоже праздник должен быть. На второй день тоже сходи в храм, причастись. И на третий.

В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Белогорскими властями у меня не выданы необходимые документы. В Красной Армии крестьян, а наоборот — помнится мне случай, когда в наше село прибыл петлюровский отряд для вылавливания дезертиров и изъятия оружия и за отказ крестьян от исполнения распоряжения власти они уже приступили к избиванию некоторых лиц шомполами, но когда мне об этом было сообщено, я немедленно отправился к месту происшествия и убедил петлюровских офицеров прекратить избивание крестьян шомполами, чего мне и удалось добиться, после чего многие крестьяне снесли некоторое количество оружия и петлюровцы из села уехали. У некоторых крестьян сложилось мнение, что я занимаюсь выдачей советски настроенных лиц петлюровским войскам. Что же касается предъявленного мне обвинения в распространении провокационных слухов о скорой войне и надвигающейся гибели большевиков, то распространением подобных слухов я никогда не занимался и политическим вопросам вообще не интересуюсь.

Ну а потом можно и поработать — время-то горячее». Вот такая Светлая седмица из трех дней, а для нас — послание от прадеда через 80 лет. «А почему меня „святой“ зовут? — смеется, — вы не подумайте чего, просто мой папа когда-то в Иерусалиме побывал, вот с тех пор и прозвали». Уезжали отсюда с твердым намерением вернуться и уже спокойно, без спешки расспросить сельчан о том, кто что помнит — пусть не из своей жизни, а по рассказам родителей, дедов. Нам интересна не просто история нашей семьи, а вообще то время, та жизнь, о которой мы по-прежнему знаем не так много.

Дед
Яков Михайлович
Наконечный

А в этом году, почти случайно, в живой журнал мне прислали ссылку на сайт⁵, где написано о моем деде, погибшем в Белоруссии в 1944-м. Он пережил Курск и Сталинград, погиб под Гомелем, в первый день Калининско-Мозырской операции, похоронен в деревне Холодники в братской могиле. Когда я смотрела документы — пусть и в виртуальном виде — было настоящее ощущение прикосновения к истории, и нашей, семейной, и вообще к истории. В Донесении о безвозвратных потерях указана причина выбытия: убит. В Списке безвозвратных потерь личного состава от 10 января 1944 года — 46 человек убитых или умерших от ран. Это данные только одной бригады, а сколько их участвовало в той операции! Все они похоронены в одной братской могиле, всего в ней 365 человек, все имена известны. Узнай я об этом месте хотя бы полгода назад, могла бы успеть на празднование 65-летия освобождения Гомеля от фашистов. Я видела фотографии этого празднования, лица ветеранов... Может быть, кто-то из них помнит моего деда? Надеюсь, что деревня Холодники станет следующим пунктом нашего семейного путешествия.

Анастасия НАКОНЕЧНАЯ

¹ А если и писали, услышала я об этом раньше, чем прочитала.

² Антонина Сошина. Наш путь — смиренная преданность Отцу Небесному. Исполнение пастьерского долга в условиях лагеря/Альманах «Соловецкое море». № 5. 2006 г.

³ По крайней мере, в списке духовенства Подольской Епархии по Благочинным округам 1872 есть упоминание о моем прапрадеде: Борисевич Петр — священник с. Воеводчинцы, 1-й Благочинный округ, Могилевский уезд http://zhurnal.lib.ru/k/kirilinskij_a_a/sv1872.shtml

⁴ М.В. Шкаровский «Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви», 1999, НИЦ «Мемориал»

⁵ <http://www.obd-memorial.ru/>

ДОКУМЕНТ

В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Петлюровским войскам я никогда не выдавал сочувствующих Советской власти и служивших в Красной Армии крестьян, а наоборот — помнится мне случай, когда в наше село прибыл петлюровский отряд для вылавливания дезертиров и изъятия оружия и за отказ крестьян от исполнения распоряжения власти они уже приступили к избиванию некоторых лиц шомполами, но когда мне об этом было сообщено, я немедленно отправился к месту происшествия и убедил петлюровских офицеров прекратить избивание крестьян шомполами, чего мне и удалось добиться, после чего многие крестьяне снесли некоторое количество оружия и петлюровцы из села уехали. У некоторых крестьян сложилось мнение, что я занимаюсь выдачей советски настроенных лиц петлюровским войскам. Что же касается предъявленного мне обвинения в распространении провокационных слухов о скорой войне и надвигающейся гибели большевиков, то распространением подобных слухов я никогда не занимался и политическим вопросам вообще не интересуюсь.

Больше показать ничего не могу. Настоящий протокол записан с моих слов правильно, мне прочитан, в чем и расписываюсь: Борисевич.